А.В. Громова

СНЫ МАРАКУЛИНА В РОМАНЕ А.М. РЕМИЗОВА «КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ»: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ

В статье рассматривается мифологический подтекст снов главного героя романа А.М. Ремизова «Крестовые сестры» Маракулина. В первом сне он сопоставлен с Прометеем, во втором — с вехтозаветным пророком Иезекиилем, в третьем — с Иоанном Крестителем, в четвертом — с новым Христом. Таким образом, подтекст раскрывает эволюцию героя от непосредственного («языческого») мировосприятия к христианской идее жертвенной любви к людям.

Ключевые слова: А.М. Ремизов; «Крестовые сестры»; мифопоэтика; аллюзии.

ском подтексте произведений Ремизова, указывая, что писатель хорошо знал фольклорные и древнерусские источники [1; 8; 13], при этом творчески перерабатывал их мотивы, создавая авторский «миф о мире» [4]. Также неоднократно привлекало внимание онейрическое пространство ремизовской прозы, отмечалось, что именно сны нередко становятся выражением мифологической картины мира [5; 6; 13; 15]. С этой точки зрения достаточно подробно проанализирован и самый известный дореволюционный роман Ремизова — «Крестовые сестры».

По мнению Г. Слобин, произведению присущ «модернистский синкретизм, позволяющий возбудить в читателе мощный резонанс разнообразных ассоциаций из широкого культурного контекста <...> включая устную традицию, фольклор, поэзию и "логику сновидений"» [11: с. 118–119]. Е.В. Тырышкина подробно проанализировала сны женских персонажей романа (Акумовны, Адонии Журавлевой), заметив, что в снах героинь причудливым образом запечатлена «память» о мифической праистории человечества, в том числе о ветхозаветных событиях [13: с. 74]. Сны Маракулина остались за пределами внимания исследовательницы. О символическом значении снов глав-

ного героя писали С. Аронян, Г. Слобин и др., интерпретируя их либо с позиций фрейдизма [16], либо в контексте литературной мифологии, в частности, «петербургского текста» русской литературы [11]. При этом каждый сон героя комментировался по отдельности.

Представляется продуктивным совокупное рассмотрение всех снов героя. На протяжении повествования Маракулин видит четыре сна, каждый из которых соотнесен с переломным моментом как во «внешней», так и в духовной биографии героя. Как отмечали исследователи, под влиянием внешних событий Маракулин изменяется, но финал — смерть героя — оставляет возможность для различных толкований. На наш взгляд, раскрытие подтекстовых шифров в снах героя позволяет прояснить вектор его духовного развития и концепцию произведения в целом.

Маракулин — мелкий петербургский чиновник, первоначально предстающий как человек, лишенный рефлексии и по-детски упоенный радостью жизни. Из-за предательства сослуживца Глотова Маракулин, обвиненный в краже казенных денег, лишается места и становится обитателем густонаселенного дома. Наблюдая за жизнью окружающих его людей, он задумывается сначала о своих собственных злоключениях, а затем и о всеобщих страданиях.

Переселение из хорошей квартиры в «петербургские углы» «Буркова дома» является для Маракулина сменой социального статуса и сопровождается глубокими внутренними изменениями, то есть обретает все черты инициации. Этот момент отмечен первым вещим сном, в котором Маракулин видит себя сидящим «за столиком в каком-то загородном саду против эстрады» и окруженным «злыми и беспокойными людьми» [7: с. 108]. Он бежит от потенциальных преследователей, но вместо убийц на него нападает птица: «Он — в гром, упал ничком на камни. И вдруг, как камень, села ему на спину птица, не орел, коршун, который кур носит, зажал крепко когтями, задрал за спину, всего зажимает, как кур ломит. "Вор, вор, вор!" — стучит клювом. <...> И уж ни-какого сомнения: ему никогда не подняться, не встать на ноги, — и тяжко и горечь и тоска смертельная» [7: с. 108–109].

С одной стороны, сон обусловлен переживаниями Маракулина из-за несправедливого обвинения в воровстве. С другой сто-

роны, в этом сне просматриваются аллюзии на миф о Прометее. Так, пространство загородного сада в результате бегства Маракулина сменяется «камнями», напоминающими о скале, к которой был прикован наказанный Зевсом Прометей; о птице, упавшей на спину, сообщается, казалось бы, избыточная информация: «...не орел, коршун, который кур носит» — тем самым подчеркивается и сходство, и отличие от античного мифа (возможно, «измельчание» героя). К Прометею можно отнести и определение «вор», поскольку он похитил у богов огонь. В контексте романа Ремизова значимым представляется не столько статус Прометея как культурного героя, сколько его роль мученика, пожертвовавшего собой ради людей [4: II, с. 337–340].

В мифе присутствует комплекс деталей, характерных для инициации: уединенное место, поедание героя чудовищем (в данном случае хищной птицей). «Вещая» Акумовна предсказывает Маракулину болезнь (что в литературной традиции также нередко служит замещением инициации), он заболевает, а после выздоровления обретает особое — «внутреннее» — зрение: «Первое, что он почувствовал, когда после болезни переступил за порог дома и очутился на улице, — он теперь все видеть как-то стал и все слышал. И еще он почувствовал, что и сердце его раскрывается и душа живет» [7: с. 109]. В результате первого испытания Маракулин обретает способность интуитивно постигать мир и сопереживать людям.

Следующий далее рассказ о жизни обитателей доходного дома — «Буркова двора» — вводит в повествование тему Петербурга, а вереница несчастных женщин — «крестовых сестер», с которыми знакомится Маракулин (Адония Ивойловна, Акумовна, Верочка Кликачёва, Вера Вехорева, Анна Степановна), — тему «бродячей Святой Руси». Особенно болезненно переживает Маракулин участь ставшей проституткой Веры Кликачёвой, в которую он безнадежно влюблен.

Блуждая по Петербургу после встречи с ней, Маракулин видит пожарного, «нечеловечески огромного и в медной каске выше ворот», от которого «в ужасе <...> бросился бежать» [7: с. 163]. В ту же ночь Маракулину снится второй сон — апокалипсическое видение «смерт-

ного поля», на котором лежат все обитатели Буркова двора, а также и «не бурковские», включая «всю бродячую Святую Русь» [7: с. 164]: «Так лежали на Бурковом дворе, как на смертном поле, но не кости, живые люди, не сухие кости, живые люди, у всех жило и билось сердце» [7: с. 164]. Над полем звучит мрачное пророчество: «Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко!», а затем появляется «нечеловечески огромный» пожарный в огромной медной каске [7: с. 164]. Герой ощущает свою беспомощность перед лицом неотвратимой гибели: «Маракулин почувствовал, как стало ему тяжело, ни ногой, ни рукой пошевельнуть не может и уж знает, что ему недолго осталось и только говорить еще свобода» [7: с. 164]. Он хочет «дерзнуть» «спросить за всех, за весь мир, за все смертное поле», но ему «духу не хватило», и он дважды вопрошает пожарного только о своей судьбе: «— А мне хорошо будет? <...> И ответил ему пожарный, да так уныло, едва слово кончил: — Хо-ро-шо» [7: с. 165].

Исследователи трактуют это видение в контексте «петербургского мифа» русской литературы. Маракулин (чье имя — Пётр Алексеевич — совпадает с именем основателя Петербурга) — узнаваемый тип «маленького человека», двойника и одновременно антагониста Петра Великого [12: с. 147–148]. По мнению Г. Слобин, гигантский пожарный, преследующий безработного Маракулина на улицах Петербурга, — это вариация Медного всадника, который в пророческом сне повторяется как предвестник гибели (а в народном сознании — как Антихрист) [11: с. 118–119].

Е.В. Тырышкина отметила переклички данного фрагмента с «Откровением Иоанна Богослова», подчеркнув его травестийный характер: «Картина Страшного суда дана Ремизовым явно в пародийном духе <...>, введены конкретные бытовые детали, которые сводят на нет высокую торжественность библейского сюжета <...> Эта пародия на "Откровение" имеет под собой идею измельчания, регресса истории» [13: с. 127].

Выскажем предположение, что данный фрагмент текста навеян ветхозаветной Книгой пророка Иезекииля. В одном из видений пророка изображается поле с иссохшими костями, оживающими под влиянием божественной силы и символизирующими спасенный

Богом народ Израиля (Иез. 37). Знаком, дешифрующим ветхозаветный подтекст в эпизоде «Крестовых сестер», становится упоминание «сухих костей». На этом прямые образные переклички между двумя текстами фактически заканчиваются, но в целом пафос Книги Иезекииля перекликается с концепцией романа Ремизова.

Иезекииль — один из четырех великих пророков Ветхого Завета. В его Книге, создававшейся в условиях плена накануне падения Иерусалима, выделяются две ведущие темы, связанные с двумя периодами истории израильского народа. До разрушения Иерусалима Иезекииль бичует преступления народа и предрекает его гибель, после падения города — утешает народ и изображает картину будущего Израиля. В этом контексте «величественное видение поля с иссохшими костями, восставшими к новой жизни, было наглядным изображением восстановления и освобождения израильского народа. Пророчества Иезекииля заканчиваются видением нового храма, нового Иерусалима и нового раздела земли Обетованной» [14: с. 569].

Иезикииля считают родоначальником эсхатологической литературы. Пафос его пророчеств, а также их художественное воплощение в форме таинственных видений и загадочных символов предопределили переклички этой части Ветхого Завета с более поздним Откровением Иоанна Богослова, которое, в свою очередь, стало одним из самых востребованных источников в культуре конца XIX – начала XX века. По справедливому замечанию Е.В. Тырышкиной, в произведении Ремизова «тема Апокалипсиса <...> развернута в подробностях, по сути весь роман написан о состоянии человека перед лицом собственной смерти ("частный" Апокалипсис) и человечества — перед всеобщей катастрофой» [13: с. 45].

Концептуальная связь повести Ремизова с Книгой Иезекииля выразилась, на наш взгляд, в размышлениях о судьбе целого народа в сложный период его истории и в постановке вопросов о свободе воли и покаянии, возмездии и воздаянии, о безвинном страдании человека, страдании за грехи других.

Тот факт, что Маракулин в своем сне не может спросить о судьбе всех, а спрашивает только о себе, обычно трактуется исследователями как проявление недостаточной личностной зрелости, не до кон-

ца преодоленного эгоизма. Если же рассматривать данный эпизод в ветхозаветном контексте, то акценты смещаются. По мнению исследователей-библеистов, Иезекииль стал выразителем грандиозного переворота в миросозерцании народа, поставив вопрос о личной ответственности за поступки (принципиально новый по сравнению с предшествующей иудаистской традицией) [14: с. 569]. Маракулин, который вследствие личных неудач преодолевает «детское» (то есть «языческое») мироощущение, сначала обретает возможность «видеть, слышать и чувствовать», а также размышлять и сострадать, а на следующем этапе, вопрошая о своей собственной судьбе, обретает индивидуальность, то есть поднимается на новую ступень своего духовного развития, правда, пока не достигая статуса «пророка», способного вопрошать о судьбе целого народа.

Логично предполагать, что следующая ступень формирования героя как духовной личности должна быть связана с христианскими ценностями и представлениями, а в качестве мифопоэтической подосновы произведения выступят новозаветные источники.

В третьем сне Маракулину снится, что друг юности Плотников отрезает ему голову. Здесь можно увидеть предсказание скорой гибели героя (тем более что сну предшествует дурное предзнаменование — потеря нательного креста). Некоторые исследователи трактуют образы сна как избавление Маракулина от излишнего рационализма [2: с. 110], от рефлексии, не подкрепленной любовью и верой: «Жизненный путь главного героя романа — это ловушка рефлексирующего сознания, лишенного веры в Бога. Маракулин, очнувшись от сна детства, все же остается ребенком, не приобщившимся к христианской вере и любви» [13: с. 103].

Однако мотив обезглавливания может быть соотнесен с казнью Иоанна Крестителя, последнего в ряду пророков — предвозвестников прихода мессии, непосредственного предшественника Иисуса Христа. «Он стоит на рубеже Ветхого и Нового Заветов, чем, согласно христианскому пониманию, определяется его величие и ограниченность этого величия. <...> Сама его вера в мессианство Иисуса не свободна от неуверенности» [4: I, c. 552]. В контексте мифопоэтических кодов, заложенных в предшествующих снах Маракулина,

соотнесение героя с Иоанном Предтечей воспринимается как следующая ступень на пути приближения героя к образу Христа.

Накануне гибели Маракулину снится последний сон, в котором (как и в контексте сопровождающих его событий и деталей) можно усмотреть евангельские аллюзии. Сначала герой видит комнату, в которой «все разбросано и раскидано, как после сборов перед отъездом, и люди все незнакомые — усталые, какие-то понурые» [7: с. 196]. Атмосфера этой части сна напоминает похоронную, и закономерно присутствие «курносой, зубатой, голой» (смерти), которая назначает Маракулину срок — «в субботу», добавляя: «...а мать будет в белом» [7: с. 197].

Если первый сон Маракулина рифмуется с третьим, где герой является единственным действующим лицом, а «расшифровка» связана с его индивидуальной судьбой, то четвертый сон параллелен второму, где важнейшим фоном становится присутствие большого скопления людей на Бурковом дворе и речь идет о судьбе целого народа. Присутствующие обращаются к герою:

- «— Что она сказала? спрашивают Маракулина.
- А Маракулин стоит будто в окне <...> перед народом. Один из нас умрет! говорит Маракулин.
- И в ответ шепчет ему весь Бурков двор в тоске смертельной:
- Не я ли, Господи? Не я ли, Господи?» [7: с. 197–198].

Эта сцена может рассматриваться как проекция Тайной вечери, на которой Христос сообщает о близком предательстве Иуды. Маракулин идет домой, где видит плачущую мать «с крестом на лбу». «А он стал на колени, наклонил, как под топор, свою голову в отчаянии и тоске смертельной» [7: с. 198]. Сон предвещает Маракулину смерть, причем называется точный и близкий срок: «Была пятница. И пораженный внезапной сумрачной мыслью, что срок ему — суббота, один день остался, он поледенел весь» [7: с. 198].

Именно в последний день Маракулин наиболее серьезно задумывается о смысле человеческой жизни и становится свидетелем ряда значимых событий: ареста девушки-революционерки, «в жертву себя уготовавшей, готовой и еще раз умереть за человечество» [7: с. 200], внезапной гибели «бессмертной вши» генеральши Холмогоровой; подобно пушкинскому Евгению, Маракулин обращается с обличительной речью к памятнику Петру Первому и видит старушку, плачущую кровавыми слезами.

Финал «Крестовых сестер» не дает однозначного объяснения причин смерти главного героя: он разбивается, во сне выпав из окна. Г. Слобин считает его падение самоубийством, совершенным под воздействием нарастающего к концу романа «духа неизбежности»: «Смерть Маракулина в конце романа представляет скорее прекращение, чем завершение действия» [11: с. 111]. А.С. Сваровская также считает гибель Маракулина самоубийством, но рассматривает ее в этическом ключе и считает актом свободного выбора в знак протеста [9]. Е.В. Тырышкина отрицает такое прочтение, хотя видит в финальном эпизоде почву для широкого спектра толкований: от эротических (смерть как слияние с любимой) и карнавальных (в духе народного кукольного театра и лубка) до религиозно-философских и эсхатологических (смерть — освобождение от земных мук, символическое обретение веры и «постижение смысла бытия, недоступное герою при жизни» [13: с. 106-107, 46]). Финал трактуется исследовательницей пессимистично: «Обретение смысла жизни лишь кратковременная галлюцинация, а сам герой становится еще одной жертвой Дьявола» [13: с. 46]. Падение вниз головой аналогично низвержению апокрифических персонажей Сатанаила и Симона-волхва.

Двойственна и календарная символика, заложенная в народных представлениях о церковных праздниках, служащих в романе временными вехами. В народном календаре и связанных с ним обычаях традиционно сочетались древнейшие языческие представления и более поздние христианские.

Маракулин видит последний сон в Семик — четверг седьмой недели после Пасхи. В комплекс семицко-троицкой обрядности входят, с одной стороны, брачные мотивы, с другой — поминальные обычаи, в том числе поминовение «заложных покойников» (то есть умерших неестественной или преждевременной смертью). Сон пророчит Маракулину смерть в субботу накануне Троицына дня, отмечаемую у восточных славян как один из главных

поминальных дней в году («родительская суббота»), а неделя после Троицы называлась «русальной» и представлялась периодом, когда к людям приходят русалки и духи предков [10: с. 375–377]. Внешнее оформление обрядов было связано с культом растительности, зеленеющих ветвей, которыми украшали дом. Накануне гибели Маракулин видит, что петербургский каменный двор словно ожил, украшенный зеленью. С образом завивающихся веток сливается и облик цветущей женственной прелести поманившей Маракулина Верочки Вехоревой, давно превратившейся в призрак, «нежить». Вопреки пророчеству, Маракулин умирает не в субботу, а после полуночи, то есть в воскресение, день святой Троицы. Таким образом, народно-мифологический контекст гибели героя представляется скорее негативным.

С другой стороны, в последнем сне присутствуют евангельские аллюзии, а в облике и судьбе Маракулина — черты, сближающие его со святыми и самим Христом. В начале повествования сообщается возраст героя, приблизительно соответствующий возрасту Христа («тридцать или <...> тридцать с чем-то» [7: с. 97]). Герою изначально присуща «ничем не объяснимая необыкновенная радость» [7: с. 99] — характерное свойство праведников. Глядя на его улыбку, людям думалось, что он «во всякое время готов к бешеному зверю в клетку войти и не сморгнуть, и не задумавшись руку протянет, чтобы по вздыбившейся бешеной шерсти зверя погладить, и зверь кусаться не будет» [7: с. 99], — признак, присущий героям житийной литературы. Литературным предшественником Маракулина можно считать князя Мышкина, воплощающего, по замыслу Достоевского, земной образ Христа. Проходя путь испытаний и утрат, Маракулин обретает способность сострадать. В отличие от всех других людей, равно «приговоренных» к смерти, Маракулин знает срок своей кончины, а логика развития сюжета и контекст подсказывают, что это будет смертьжертва. И даже во сне герой слышит, «как звонят ко всенощной у Воскресения в Таганке» [7: с. 198], чем актуализируется мотив воскресения. В этом контексте Маракулина можно рассматривать как образ «нового» Христа.

Рассматривая дореволюционное собрание сочинений писателя как ансамблевое единство, Е.В. Тырышкина пришла к выводу, что в своем раннем творчестве Ремизов показал путь человечества от язычества — как своеобразного «детства» — к христианству, причем в его неканонической модели [13: с. 47–48]. По мнению исследовательницы, Маракулин не имеет подлинной веры, а поиски и обретение истины, в её религиозном смысле, было осуществлено Ремизовым лишь в более поздних произведениях, то есть за пределами текстового пространства «Крестовых сестер».

На наш взгляд, уже в рамках данного романа автором намечено направление духовного пути главного героя — через аллюзийный подтекст снов, запечатлевших основные этапы его личностного становления. Эволюция Маракулина может трактоваться как путь от «языческой» радости бытия — через страдания и размышления, подводящие его к образу пророка, — к христианскому идеалу жертвенной любви.

Литература

- 1. *Грачева А.М.* А. Ремизов и древнерусская культура / А.М. Грачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 334 с.
- 2. Данилевский А.А. A realioribus ad realia / А.А. Данилевский // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. Вып. 781. С. 99—123.
- 3. Данилевский A.A. О дореволюционных «романах» А.М. Ремизова / А.А. Данилевский // Ремизов А. Избранное. Л.: Лениздат, 1991. С. 596—607.
- 4. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991-1992.-671 с.; 719 с.
- 5. *Нагорная Н.А.* Поэтика сновидений и стиль прозы А.М. Ремизова: дис. . . . канд. филол. наук / Н.А. Нагорная. Барнаул, 1997. 216 с.
- 6. Обатнина E. А.М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя / E. Обатнина. M.: HЛO, 2008. 296 c.
- 7. *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 тт. / А.М. Ремизов. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001. 560 с.
- 8. *Рыстенко А.В.* Заметки о сочинениях Алексея Ремизова / А.В. Рыстенко. Одесса: «Экономическая» типография, 1913. 114 с.

- 9. Сваровская А.С. Проблема героя и среды в повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры» / А.С. Сваровская // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 9. Томск: изд-во Томского ун-та, 1988. С. 47–58.
- 10. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995.-416 с.
- 11. *Слобин Г.* Проза Ремизова 1900–1921 / Г. Слобин; пер. с англ. Г.А. Крылова. СПб.: Академ. проект, 1997. 206 с.
- 12. Топоров В.Н. О «Крестовых сестрах» А.М. Ремизова: поэзия и правда. (Статья первая) / В.Н. Топоров // Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник IX. Памяти Д.Е. Максимова. Уч. зап. ТГУ. Вып. 857. Тарту, 1989. С. 138–158.
- 13. *Тырышкина Е.В.* «Крестовые сестры» А.М. Ремизова: Концепция и поэтика / Е.В. Тырышкина. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. 235 с.
- 14. Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 тт. / Гл. ред. С.С. Аверинцев. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 863 с.
- 15. Цивьян Т. О ремизовской гипнологии и гипнографии / Т. Цивьян // Серебряный век в России. М.: Радикс, 1993. С. 199–238.
- 16. *Aronian S*. The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov / S. Aronian // Russian Literature Triquarterly. 1986. № 19. P. 127–163.

A.V. Gromova

Marakulin's Dreams in the Novel "Sisters of the Cross" by A.M. Remizov: Mythological Subtext

The article deals with the mythological subtext of the dreams of the protagonist Marakulin of the novel "Sisters of the Cross" by A.M. Remizov. In the first dream the character is compared with Prometheus, in the second one — with Prophet Ezekiel by the Old Testament Book, in the third — with John Baptist, in the fourth — with the new Christ. Thus, subtext shows evolution of the hero from immediate ("pagan") attitude to Christian idea of sacrificial love to people.

Key words: A.M. Remizov; "Sisters of the Cross"; Myth and poetic; hints.